

Ованес Туманян

Гикор

(Перевела с армянского Каринэ Халатова)

1

В доме крестьянина Амбо слышалась перебранка-перепалка.

Гикора, двенадцатилетнего своего сына, Амбо хотел пристроить в городе, где б он ремеслу обучился, в люди бы выбился. Но не мог жену уломать.

— Не хочу! — твердила она. — Не губи ты моего мальчика, не уводи в этот проклятый город, не надо, — умоляла она сквозь слезы.

Не послушался ее Амбо.

Было тихое унылое утро. Домочадцы и соседи проводили Гикора до околицы, расцеловали и благословили в путь-дорогу.

Сестра Гикора, Зани, плакала, а малыш Гало выкрикивал на руках у матери: «Гикол, куда это ты, эй, Гикол!» Гикор то и дело оглядывался назад и видел: стоят они еще у околицы, а мать краем передника глаза вытирает. Он побежал за отцом, то шагал с ним в ногу, то вприпрыжку. Еще разок обернулся Гикор: село уже скрылось за пригорком.

— Поживей, Гикор, сынок, уже недолго идти, — окликал сына Амбо и шагал впереди — на плече хурджин, а в хурджине несколько караваев и головка сыра да махорки с две горсточки.

Вечерело, когда они свернули за гору, село еще разок мелькнуло вдалеке, на дымчатом окоеме.

— Вон, апи¹, во-он наш дом! — Гикор пальцем показывал в сторону села, хотя дома-то уже и не видать было, и отец с сыном поспешили дальше.

Стемнело, когда они добрались до одного из сел и остановились на ночлег у старого приятеля Амбо.

Золотистый самовар пыхтел на краю тахты. Юная девушка звенела стаканами, перемывая их, и заваривала чай. Она была в красном нарядном платье. Гикор

тут же прикинул в уме — вот как заработает деньги в городе, пошлет ихней Зани точь-в-точь такое платье.

Поужинали хозяин дома и Амбо, да устроились рядком-ладком на тахте, закурили трубки, разговорились. Речь шла о Гикоре. Хозяин дома одобрял, что Амбо так старается сына в люди выбить. Слово за слово, и о войне помянули, и о дороговизне хлеба, о том о сем, — а Гикор-то с дороги притомился и задремал.

В город они пришли на следующий день. Заглянули к старому хозяину ночлежки. Наутро же отправились на базар.

— Эй, старик, пристраиваешь мальчика в прислуги? — спросил из лавки торговец.

— Ваша правда, — сказал Амбо и подтолкнул Гикора вперед.

— Отдай его мне, пусть у меня послужит, — предложил торговец.

Его звали купец Артем.

2

Амбо устроил Гикора в городе, слугой у купца Артема. Сговорились они так: Гикор должен был прибрать в доме, посуду вымыть, обувь почистить, снести в лавку обед, ну и прочие мелкие поручения выполнять, пока не пройдет год. Через год же купец Артем возьмет его к себе в лавку, в ученики, и, глядишь, Гикор так и человеком станет.

— Пять лет не буду ему платить, — сказал купец Артем, заключая сделку. — Ежели хочешь знать правду, ты мне должен за то, что твой сын хоть чему-то научится. Он же у тебя совсем несмышлениш...

— Где же ему было учиться, хозяин джан, — ответил Амбо, — кабы он в чем смыслил, чего б ради я его сюда приводил, вот и пускай учится...

— Уж научится, всему научится, да еще как!.. Земляк ваш, ну, этот, Никол, который и лавку себе открыл, так он у меня человеком стал. Вот только под конец парочку чайных ложек и кое-что еще прикарманил...

— Нет, хозяин джан, мой не прикарманил. А ежели пойдет на такое, я приду и в Куре его потоплю.

— Ну, раз он честный малый, то будет из него толк.

— О том-то и моя забота, ага² джан, чтоб он уму-разуму научился, письму да чтению, с людьми б умел держаться, знаться честь по чести, чтоб не был бы таким бедолагой, как я. И то сказать, паренек он смекалистый, в школу нашу сельскую ходил, в грамоте разбирается. Об одном молю-заклинаю: вы уж за ним хорошо присматривайте, не обижайте, без родных он тут да и мал еще... Купец Артем утешил Амбо и, покинув его, распорядился: «Принесите им чаю, да что-нибудь поесть...»

3

Отец с сыном сидели на кухне у купца Артема.

— Ну, Гикор джан, теперь ты себе голова, поглядим, выйдет ли из тебя толк... Веди себя так, чтоб... э, мало ли что... господи боже мой, — буркнул Амбо и стал набивать трубку.

Гикор тем временем озирался по сторонам.

— Апи, а где ж очаг?

— Да нету, печка у них, вон она...

— И гумна нету?

— Горожане они, не деревенские же, где тут гумну взяться?

— Откуда же они хлеб берут?

— За деньги покупают. И хлеб покупают за деньги, и масло, и молоко, и дрова, и воду...

— Ну да!..

— Так-то вот, одно слово — Тифлис. Ты только не робей-не унывай, еще много чего узнаешь.

— Апи, а церковь у них имеется?

— А как же, имеется, они, как и мы, тоже христиане. Ты у меня смотри, на чужое добро не зарься. Чай, испытать тебя захотят, возьмут да деньгу подбросят, так ты и близко не подходи. А ежели подберешь, отнеси и скажи: «Ханум³, что это за деньги, там вон валялись», или «ага, вот эту вещь я там-то нашел», а не то...

— А пристав у них есть?..

— А то как же... Не бей баклуши почем зря, перепадут тебе деньги, так ты не бросай их на ветер, нужда, сам знаешь, за нами по пятам ходит. Себя береги, по ночам не раскрывайся, не хворай... Выпадет оказия, пришли весточку... — покуривая трубку, Амбо наставлял сына. Гикор тем временем клевал носом.

— Хлебными крошками и сухарями будут кормить, обедками, а частенько, поди, сами покушают, тебя без харчей оставят, так не беда, у прислуги это на лбу написано... Время пробежит, день и ночь сутки прочь...

Отец все наставлял сына, а Гикор, прислонившись к отцу, давно уже спал.

За эти пару дней Гикор столько всего перевидал, прямо глаза разбегались, так что из сил выбился.

Ломящиеся от фруктов лотки и лавки, сложенные копной пестрые ситцы, а игрушки, каких свет не видывал; ватаги ребятишек, идущих в школу и возвращающихся домой; снующие фаэтоны, вереница верблюдов, ослики, нагруженные сеном, кинто с подносами на головах... — от всего этого шумагвалта, от всех окриков-перезвонов голова шла кругом. Вот Гикор и уморился да прикорнул подле отца.

Тем временем купец и его жена пререкались в комнате. Жена сетовала, дескать, слуга совсем еще зеленый, дикарь, с гор только что сошел, а муж ликовал, что на несколько лет дармового слугу заполучил.

— Научится он, не век же проживет таким, — говорил он жене.

— Научится, доченька, не принимай ты все близко к сердцу, — успокаивала старушка-мать купца.

Но тикин⁴ Нато стояла на своем. Со слезами на глазах она проклинала свою судьбу.

4

Гикор один-одинешенек сидел на кухне у купца Артема. Он уже был прислугой.

В старой хозяйской кепке, нахлобученной до ушей, в стоптанных башмаках, в голубой блузе — вот такой весь преображенный, сидел он на кухне и размышлял: почему ушел из села, куда попал, что теперь будет делать?..

И тут вошла тикин Нато.

Гикор продолжал сидеть.

Тикин что-то сказала. Гикор то ли не расслышал, то ли не понял.

— Я кому говорю, увалень этакий?

Гикора пот прошиб, он смешался: хотел было переспросить, что же она говорит, но не осмелился. Рассерженная госпожа ушла восвояси.

— Ох, нет на вас, дикарей, погибели, откуда вы только беретесь на нашу бедную голову... Я с ним разговариваю, а он и в ус себе не дует, голоса не подает...

«Вот и все, — мелькнуло в голове у Гикора. — Как же все быстро кончилось...

Что же мне теперь делать?.. И отец ушел...»

Кончено все — смирился он с этой мыслью, когда бормоча что-то под нос, вошла в черном платье добрая старушка, мать купца.

— Почему ты, сынок, не встаешь с места, когда входит госпожа? — поучала она Гикора. — Когда к тебе обращаются, ты не молчи, отвечай, как же так можно?..

Старушку называли деди.

Деди растолковывала Гикору, что ему делать, как самовар ставить, как правильно держать щетку и чистить обувь, как посуду мыть.

Кроме старушки-деди, все, кому не лень, обижали Гикора.

«Подмастерья» из купеческой лавки без удержу потешались над ним: обзывали «кики»⁵, теребили ему нос, давали подзатыльники, кепку на уши натягивали.

Однако все это еще куда ни шло.

Невмоготу было другое — перед голодом устоять. Дома у себя ежели он проголодается, побежит к лоханке, где хлеб хранился, из крынки сыр достанет и, уплетая на ходу за обе щеки, снова за игры принимается; или же спрячет

хлеб с сыром за пазухой и айда в поле. Когда вздумается, присядет где-нибудь под деревом или у родника и заморит червячка.

Нынче же совсем не то. Как бы не мучил голод, а Гикору надлежало дожидаться обеденного часа, да еще в последний черед, пока домочадцы сами не поедят. А проклятый час так долго не наступал, что всю душу у бедняжки вытягивал. Раз-другой крепился Гикор, да не стерпел, стал присматриваться на кухне, не найдется ли чем-нибудь подкрепиться, покамест обеденный час поспеет.

Сперва что под руку подворачивалось — сухие ли хлебные крошки, обглоданная ли кость и всякая всячина — враз в рот отправлял. Погодя Гикор вздумал обшарить кухонные буфеты, наловчился выуживать из кастрюли с обедом куски недоваренного мяса...

Что будет, если он попадется...

Не оберешься неприятностей...

Если попадется...

А что же делать?..

Бросить все и бежать?..

И Гикор стал подумывать о побеге.

Но как бежать, куда бежать? Один-одинешенек, ни дороги не знает, ни с кем не знаком... да и отец...

Ведь как он старался, поучал, наставлял: «Время пробежит, сынок, день и ночь сутки прочь...»

В ушах Гикора зазвучал хриплый голос отца: «Время пробежит, день и ночь сутки прочь...»

5

Зазвенел звонок.

Гикор вскочил. Было ему велено, как позвонят в дверь, сходить узнать, кто там, что надобно? Гикор вышел на балкон, глянул вниз: у двери стоит какой-то господин и с ним несколько дам.

— Эй, кто вы такие? — окликнул он сверху.

Снизу посмотрели вверх.

Дамы засмеялись, а господин, поправив очки, спросил:

— Госпожа дома?

— На что она вам? — спросил Гикор.

Внизу громко расхохотались.

— Тебя спрашивают, дома она или нет? — рассердился господин.

— Что-то надобно?

Тут на шум вышла тикин Нато.

— Чтоб тебя разорвало, ступай открой дверь да поживее! — крикнула она и принялась клясть Гикора и своего мужа. Но вскоре появились гости, и она заулыбалась, встречая их.

— О, здравствуйте, здравствуйте... Какими судьбами, что так вдруг нас вспомнили?

— Где вы его раздобыли? — смерив Гикора с головы до ног, спросил господин, а дамы всё посмеивались.

— Завидуете? Можем уступить вам, — отделалась шуткой тикин Нато, и гости, посмеиваясь, прошли в комнату.

Второпях тикин Нато куда-то отправила Гикора и последовала за гостями.

Порасспросив друг друга о здоровье, гости стали рассказывать, какая с ними только что приключилась история у подъезда.

— Оф, он всю душу мне вымотал, — жаловалась тикин Нато, — вы не представляете, как я с ним намучилась. Говорю Артему, выгони ты его прочь, но вы же его знаете, жалко, говорит, ребенка, деревенский, мол, пускай себе живет, не отымать же у него кусок хлеба, обучится ... Но когда же?.. Нет моей моченьки...

— Ох-ох-ох, и не говори, одна морока с этой прислугой, — в один голос заладили дамы-гости.

С полчасца они болтали о том о сем, о прислуге, о городских новостях. И тут во время беседы в комнату ввалился запыхавшийся Гикор.

— Хозяйка, я принес фрукты!

— Хорошо, ступай! — велела тикин Нато, зардевшись, а гости рассмеялись.

— Хозяйка, хозяин сказал, вишня дорогая, не стоит брать...

При этих словах одни прыснули и прижали платок ко рту, другие, чтобы вывести посрамленную хозяйку из неловкого положения, заверили, что вишня и вправду очень дорогая, кто же в такое время года покупает вишню. Да и к чему фрукты, принялись корить ее гости, не пришли же они кушать, зачем было себя утруждать...

Тикин Нато, покрасневшая до корней волос, пыталась как-то сгладить казус.

— Бог весть что он сказал, а этот дуралей перевирает.

— Провалиться мне, коли вру, — поклялся Гикор и рассеял все сомнения.

6

Проводив гостей, тикин Нато рвала и метала, убирая с десертного стола. Она бранила Гикора, припоминала все его оплошности, кляла судьбу и своего благоверного.

— Будет тебе, дочка, не надрывай себе сердце... Ох, скорей бы прибрал меня Господь, — вздыхала старая деди.

— На душе и без того кошки скребут, а ты там свое заладила, ну, с какой стати, а? Неопытен, вот сами за него и доделывайте, раба я вам, что ли? — невестка повысила на старую деди голос, не переставая проклинять и сокрушаться до прихода мужа.

Заслышав шаги мужа, тикин Нато расплакалась, заговорила громче, загремела посудой.

— Сколько можно говорить: гони его прочь, сама стану прислуживать, раз ты скупишься толкового слугу нанять... Уж лучше взвалить на себя все заботы, чем каждый день трепать себе нервы... Враг ты мне, что ли?..

— Что случилось? — спросил купец Артем, остановившись посреди комнаты.

— Что еще могло случиться? Уже и при посторонних рада была бы сквозь землю провалиться — вот что случилось, — воскликнула тикин Нато и рассказала историю с вишней.

— Ва! — возмутился купец Артем.

— О Господи! — простонала обеспокоенная добрая старая деди.

Купец Артем кликнул Гикора.

Шаркая ногами, вошел Гикор.

— Подойди поближе, — подозвал купец Артем.

Гикор, напуганный цветом его лица, не шелохнулся.

— Говорю тебе, подойди поближе...

Гикор вздрогнул, но с места не сдвинулся.

— Я тебе, обормоту, говорю, госпоже скажи, а ты перед гостями заявляешь, дескать, вишня дорогая...

— Я... я... госпоже... — попытался оправдаться Гикор, но осекся: купец влепил ему оплеуху, да так, что из глаз искры посыпались, голова стукнулась о стенку, и он упал. Купец Артем кинулся пинать лежащего да приговаривать: «Вишня дорогая, да?.. дорогая вишня, а?..»

Старая деди, вся трясясь, пыталась оттащить разъяренного сына; подошла тикин Нато, дети подняли крик, тогда только купец Артем уgomонился, тяжело переводя дыхание, повторяя: «Вишня дорогая, да?» и, вращая глазами на забившегося в угол Гикора, который жалобно бормотал:

— Вай, нани⁶ джан, вай!.. Вай, нани джан, вай!..

7

Видят, в доме от Гикора толку мало и забрали его в лавку. Здесь ему поручали помочь покупателю донести товар, складывать ситец, прибирать-подметать в лавке, а в свободные часы зазывать сюда прохожих.

Вот отправился Гикор в лавку, с обедом в судках. Волоча ноги в стоптанных и невзрачных башмаках, которые велики ему были, переходил он мост. Глянул сверху вниз. А там к высоким стенам каравансарая подкатывали волны Куры, вздымались, скрючивались, метались и захлебывались, разбивались, и из-под моста доносилось их глухое шипение.

Невдалеке от берега покачивалась зеленая лодка. В ней были двое: один закидывал сети, второй — выруливал веслами лодку.

— Вот сейчас вытянет, — произнес Гикор, наблюдая за рыбаками. Сети всплыли порожними.

— А ну-ка, на мое счастье, — задумал Гикор при новом броске сетей. Невезучий Гикор — в сетях не оказалось ни одной рыбешки.

— Еще разок на счастье нашей Зани.

Не улыбнулась фортуна и Зани.

— А теперь на счастье Гало. — И Гало не привалило счастья.

— А еще на счастье...

Но тут у ближайшего из каравансараев началась суматоха. Народ валом валил поглазеть на перса с ручной обезьяной, она плясала, а он распевал:

Ты, макака, попляши, попляши,
Ты тростью-то своей не маши, не маши,
Ты старушку-горбунью, макака, покажи,
Да как красotka нам спляши, ты спляши.

Сюда сбегались со всех сторон. Побежал и Гикор. Он норовил протиснуться сквозь плотное кольцо толпы, пробиться вперед, но увы. Вытянул шею, встал на цыпочки — так ему хотелось во что бы то ни стало хоть одним глазком заглянуть в круг.

— Ты куда лезешь, щенок? А ну вали отсюда! — сказал какой-то кинто и бац по голове.

Гикор встрепенулся, спохватился и со всех ног кинулся в лавку.

8

Вечером Гикор уединился на кухне, тише воды ниже травы. Не успели еще просохнуть слезы, еще пылали щеки от оплеух хозяина, звенели еще в ушах окрики тикин Нато, как откуда ни возьмись — Васо, ученик купца Артема, вошел, насвистывая. Заметил Гикора и враз остановился, напустил на себя важный вид и со скрываеваемой издевкой осведомился:

— Тебя, что же, в клубе задержали, а, медведь ты этакий, или, небось, к губернатору по срочному делу заходил?

Гикор не поднимал головы.

— Да отвечай же ты!..

Гикор молчал.

— Ты, что же, не знаешь, где тебя носит, а? Заморил меня голодом сегодня, а кабы я по твоей милости помер?..

С этими словами Васо не спеша приблизился к Гикору и взял да и огрел его по голове. Гикор заслонился руками, прижался к стене. Васо замахнулся было еще раз, но за дверью раздался голос хозяина.

— Ну, а теперь он с тобой разделается, — пригрозил Васо.

«Меня сейчас убьют», — мелькнуло в голове Гикора, и у бедняги сердце ушло в пятки.

Хозяин изрядно отделал Гикора в лавке, дома же распорядился лишить его обеда, чтоб неповадно было, пускай знает, каково голодать.

Гроза миновала.

Гикор успокоился, хотя до него и долетали выкрики тикин Нато: «Ну чего ради ты его держишь, — вопила она, — гони его прочь, гони...»

9

Гикор укрылся с головой одеялом, съежился и притих.

Лунная ночь, брожу я, никак глаз не сомкну,

Увидит прохожий: ни кола ни двора у него,

Вай, ни кола ни двора... —

Напевал Васо, уплетая за обе щеки обед. Гикор то и дело робко высовывался из-под одеяла, тайком подглядывал за ним и снова закрывал глаза. За весь день у него росинки маковой не было во рту и, побитый, заплаканный, он не мог уснуть на голодный желудок.

— Ну что, не спится с голодухи, а, то-то же... — проронил задира Васо и протянул Гикору кусок хлеба с сыром: — На, держи, лопай под одеялом и ни гу-гу, чтоб хозяин не застукал.

Гикор сцапал хлеб с сыром, зарылся с головой под одеяло и, наворачивая втихомолку, задумался. Мысли его витали дома, соскучился он по тем денечкам, когда бесшабашно резвился под открытым небом и наедался вволю; вспомнил те вечера, когда отец с матерью пререкались из-за его поездки в город... Мать плакала, не хотела его отпускать...

— Ах, нани джан, как же чуяло твое сердце, — вздыхал Гикор под одеялом, уминая хлеб с сыром и наострив уши: не идет ли хозяин?

А утром как штык стоял перед лавкой.

10

Стоял Гикор перед лавкой и зазывал покупателей, зазывал и что есть мочи расхваливал товар.

— Скликай давай людей, чего примолк, стоишь как истукан. Воды, что ли, в рот набрал?

— пожалуйста сюда, сюда пожалуйста! — выкрикивал Гикор.

В лавке покатывались со смеху.

Гикора подучили подлавливать, перехватывать покупателей и заводить в лавку. Так он, бывало, вцепится в прохожего, как черт в грешную душу, и давай его тащить-заталкивать в лавку, пока тот вконец не выйдет из себя да не отобьется. Тогда Гикор возвращался на место и снова принимался зазывать прохожих.

В душные летние дни Гикор, бывало, намается, простояв целую вечность перед лавкой, и ненароком вздремнет, притулившись к горке выставленных у лавки ситцев. Приятели-проказники из соседних лавок тут как тут: подсовывали под нос нюхательного табаку.

Расчихавшись, Гикор подскакивал с места.

Так забавлялись ословелые от жары лавочники. Хозяин, посмеявшись всласть, окликал Гикора:

— Что же ты спишь, медведь этакий, давай зазывай!

— Сюда пожалуйста, пожалуйста сюда! — выкрикивал Гикор.

11

Однажды Гикор так же зазывал покупателей, когда на противоположной стороне показались два его односельчанина. Он метнулся им навстречу, кинулся землякам на шею.

— Ва, сынок, а я тебя и не признал, вот-те раз! — удивленно воскликнул один из сельчан и обратился к товарищу: — Бахо, а ты его узнал?

— Я по глазам узнал, — похвастался товарищ.

Гикор и впрямь страшно изменился, осунулся, вытянулся. И сам стал другой, и одежду надел новую — так что не мудрено было его не узнать.

— Ты смотри, каким он человеком стал... а глянь, какая на нем одежка, а повадки какие... — дивились односельчане.

— Прах на наши головы, вон как Амбо сына пристроил, а наша ребятня в свинопасах ходит.

Гикор же захлеб расспрашивал:

— Как нани моя поживает?.. Как там наши детишки?.. Отец почему не приезжает больше? Корова наша отелилась?.. Помер ли кто в селе?

— Все живы-здоровы, кланяются тебе, — ответили односельчане. — Только вот Сукнанц Гукас отдал богу душу да еще старушка у Пучуранц, остальные, слава Богу, здравствуют.

— Почему же мой отец не приходит?

— Прийти-то он очень даже хочет, но вот как? Все хозяйство на нем, домашних забот невпроворот...

— А мне ничего не прислали?

— Чего же присылать, сам, небось, знаешь, в вашем доме хоть шаром покати. Нынче еще и хлеб не уродился, так твой отец, бедняга, едва концы с концами сводит. Что ж от них ждать? Ежели у тебя что имеется, сам им пошли. Вон долги нечем покрывать, ни гроша за душой.

— А дома никто часом не хворает?

— Нет, только корова ваша, Цахик, взобралась на развалины хлева Мирзанц, скатилась оттуда — и околела.

— Как — Цахик околела?

— Мать твоя, бедняжка, так убивалась, все глаза выплакала.

Один из сельчан протянул Гикору письмо со словами:

— Ну что скажешь? Мы тебя больше не увидим, нам домой пора. Ежели что надо переслать матери или сестре, давай отнесем.

— Где уж там пересылать, денег-то я пока не получаю... но вот только...

— Что — только?

— Хочу уйти с вами, истосковался я и по нашему селу, и по родным, и потом...

— Вай, вай, а мы-то думали ты повзрослел-поумнел. Что ты такое городишь? Живешь себе припеваючи, в чистоте да в холе, в новой одежке-обувке... Мы подумываем, кабы ты и наших детишек пристроил, а ты чепуху несешь. «Наряди свинью в серьги, а она в навоз», — так это как о тебе сказано.

Пожурили да вразумили Гикора односельчане, распрощались и ушли восвояси.

Гикор вернулся в лавку, забился в свой угол, развернул письмо отца:

«Дорогой мой сынок, Гикор джан.

В город Тифлис.

Мы живы-здоровы, и желаем здоровья тебе. По тебе скучают, тебе кланяются апи, нани, Зани, Моси, Микич, Гало, аминь. Дорогой наш сынок, Гикор, чтоб ты знал, мы стеснены нуждой, из долгов не выходим, денег неоткуда взять, и что нани и Зани в обносках ходят, шибко туго нам живется, сынок. Гикор джан, пришли нам деньжат, хоть самую малость, и пришли весточку о своем здоровье. И еще чтоб ты знал, Цахик наша околела, а нани и Зани в обносках ходят».

Прочитал Гикор письмо, призадумался, закручинился по родным. Строки письма обжигали сердце: «Нани и Зани в обносках... Туго нам живется...»

— Зазывай давай! Что примолк? Прикипел, что ли, мыслями к своим? — окликнули его из лавки.

— Сюда пожалуйста, пожалуйста сюда! — зазывал Гикор, стоя перед лавкой.

12

Пришла зима. Холодная заснеженная метель извивалась над городом. Зазывала, свистела, мела поземку. Юлой кружила по углам, выискивала обездоленных, разутых-раздетых, охотилась за беспризорными детьми.

Да и набрела на Гикора.

В тонкой блузе он выкрикивал у порога лавки:

— Сюда пожалуйста! Сюда пожалуйста!

— Ща-а-с-с-с! — злорадно просвистел мороз, точно меч-невидимка, размахнулся и сразил, пробрал до косточек. Гикор поежился.

Гикора, истощенного от несладкой жизни, простуда сразу подкосила, и он слег.

13

Захворавший Гикор лежал на кухне купца Артема. Старушка деди по нескольку раз в день заходила к нему, как обычно, что-то бормоча себе под нос.

— Не нужно ли чего, сынок, Гикор?

— Воды!..

Деди подносила ему воду. Больной дрожащими руками брал стакан, жадно осушал его и снова просил.

— Не утоляет эта вода, деди... Я хочу нашей холодной родниковой водички, деди... Я домой хочу, деди... К моей нани хочу, деди...

Экая напасть навалилась на купца Артема. Забегался он, отыскал земляка, поручил оповестить Амбо, чтоб к сыну наведася, а Гикора уложил в городскую больницу.

Полно было больных в палатах, лежали ряд за рядом. Горестно стонали и беспомощными взглядами блуждали по потолку.

Гикора поместили с ними.

Здесь и нашел его отец.

— Что с тобой, Гикор джан? — с болью в голосе сказал Амбо и припал к постели сына.

Гикор в бреду не узнал отца.

— Гикор джан, вот я и пришел к тебе, Гикор джан... я это, твой апи...

Больной ничего не понимал. У него был жар, и в бреду он звал: «Микич, Зани, апи, нани...»

— Здесь я, Гикор джан, нани за тобой прислала, велела тебя домой забрать...
Пойдешь со мной?.. Микич и Зани залезли на кровлю, с дороги глаз не сводят, тебя дожидаются. Ну, что, Гикор джан, говори же...

— Сюда пожалте! Сюда пожалте! — крикнул больной, пролепетал еще какие-то бессвязные отрывистые слова и засмеялся в бреду.

14

Через пару дней Амбо возвращался в село.

Он похоронил Гикора и назад возвращался. Под мышкой нес его одежду, чтобы мать над ней поплакала. В карманах у Гикора оказалась горсточка блестящих пуговиц, красивые бумажки, ситцевые лоскутки и несколько булавок. Для сестрички, для Зани, собрал и приберег.

Шагал Амбо и думал. Немного времени минуло, как он по этой же дороге шел с Гикором в город. Вот здесь как раз он сказал:

— Апи, ноги болят...

А вон то самое дерево, под которым они присели отдохнуть...

Вот тут же он сказал:

— Апи, пить хочется...

Вон и родник, из которого они напились.

Все, все есть, как было, только его нет...

На следующий день, когда Амбо пересекал горы, вдали показалось село.

У околицы стояли и ждали нани, Зани, Микич, Моси, а малыш Гало выкрикивал на руках у матери:

— Иди, эй, Гикол, иди, Гикол!..

¹ Апи — отец; обращение к пожилому мужчине.

² Ага — господин, хозяин.

³ Ханум — госпожа.

⁴ Тикин — обращение к замужней, пожилой женщине.

⁵ Кики — сокращенно-пренебрежительное от Гикора.

⁶ Нани — мать; обращение к женщине.

